

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Национальный исследовательский университет

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Мария Алексеевна Черновская

**Интеллектуалы и интеллигенция: история понятий, социальная
функция и типология интерпретаций**

Специальность

5.7.8. — Философская антропология, философия культуры

Резюме диссертации на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

кандидат философских наук, доцент

Виталий Анатольевич Куренной

Москва – 2022

Оглавление

Введение	3
Актуальность исследования	3
Степень научной разработанности проблемы	4
Объект, предмет и границы исследования.....	10
Цель и задачи исследования	11
Теоретико-методологическая основа исследования	11
Научная новизна исследования	16
Положения, выносимые на защиту	17
Апробация результатов исследования	21
Основное содержание работы	24
Заключение	43

Введение

Актуальность исследования

Существует мнение о том, что понятия «интеллигент» и «интеллектуал» остались в прошлом и больше неактуальны при анализе современного общества и политической культуры¹. Однако и в XXI веке мы можем увидеть, что, реагируя на многие крупные политические события, журналисты, философы вновь и вновь реактуализируют эти понятия². Помимо наличия общественно-политической актуальности (в условиях общественно-политических споров дискуссия об интеллигенции постоянно реактуализируется), оба понятия в рассредоточенном виде входят в современную социальную теорию в связи с концепциями общества знания и креативного класса.

¹ Например, А.А. Тесля полагает, что «история интеллигенции закончилась, но закончилась она потому, что закончилась и история публичной сферы в прежнем понимании, которая, например, в Западной Европе возникает с середины XVIII века, а в России — с середины XIX века, и интеллигенция и публичная сфера — это разные стороны фактически одного феномена» (Тесля А.А. «История интеллигенции закончилась, потому что она закончилась». Дискуссия о книге Дениса Сдвижкова «Знайки и их друзья». 18.09. 2021. URL: [<https://gorky.media/context/istoriya-intelligentsii-zakonchilas-potomu-chto-ona-zakonchilas/>]).

² После митинга на Болотной площади в 2011 году появился термин «новая интеллигенция» для самоопределения людей, вышедших на протест (Мы вас представляем: «Московские новости» обнаружили в России «новую интеллигенцию» // Московские новости. 09.02.2012. URL: [<https://www.mn.ru/society/78121/>]). Александр Архангельский обозначил преемственность между «новой» интеллигенцией и социальной группой, которая определяла себя в качестве интеллигенции на рубеже XIX и XX веков: «То есть, с одной стороны, им не присуще чувство народного избранничества, а с другой — они меряют исторический процесс моральным мериллом. И получается, что в первом случае они не интеллигенты, а во втором они несомненные интеллигенты» (Архангельский: «Для новой интеллигенции нет понятия «народ» // Московские новости. 28.03.2012. URL: [<https://www.mn.ru/society/civil/79645/>]). Несмотря на трансформацию образованного класса, связанную с возрастающей ролью эксперта, само понятие «новая интеллигенция» указывает на сохранение связей с исторически нагруженным, ценностным понятием для российской культуры. В американской культуре дискуссии о роли публичного интеллектуала сохраняют свою актуальность, несмотря на то, что в 1980-х годах фигуре интеллектуала предрекали скорое исчезновение.

Если мы посмотрим на работы авторов, которые вводили понятие «общество знания» и «постиндустриальное общество» (Дэниел Белл, Фриц Махлуп, Роберт Лейн, Питер Друкер), то увидим, что в них обсуждается, могут ли «работники знания», образовать собственный политический класс, или они остаются лишь частью политической элиты³. Любопытно, что при этом, как и у многих мыслителей русской культуры, используется противопоставление понятий «интеллигенция» и «интеллектуал», но с противоположным смыслом — под интеллигенцией (*intelligentsia*) понимаются эксперты, которые не выходят за рамки своей специализации (главным образом, «технократическая элита»), под интеллектуалами — образованные люди, делающие заявления о том, что представляет благо для всего общества⁴.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что в России понятия «интеллектуал» и «интеллигент» становятся темой специальных исследований — в первую очередь, речь идет о коллективных монографиях «История и теория интеллигенции и интеллектуалов»⁵ и «Картография современных интеллектуальных направлений»⁶.

Степень научной разработанности проблемы

Мы выделяем три типа литературы, с которой ведется работа в рамках исследования. К первому типу относится многочисленная литература, которую мы классифицируем в качестве источников исследования. Речь идет

³ Например, см.: Белл Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia. С. 486-490; Drucker P.F. (1969) *The Age of discontinuity: guidelines to our changing society*. London: William Heinemann Ltd. P. 259.

⁴ Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York, 1976.

⁵ Куренной В.А. (ред.) (2009) *История и теория интеллигенции и интеллектуалов*. (Мыслящая Россия.) М.: Фонд Наследие Евразии.

⁶ Куренной В.А. (ред.) (2006) *Картография современных интеллектуальных направлений*. (Мыслящая Россия.) М.: Фонд Наследие Евразии.

о работах, которые задают определенное значение понятиям «интеллектуал» и «интеллигенция».

Эти понятия появляются в первых социальных теориях. Уже в середине XIX в. феномен интеллигенции становится предметом рефлексии ранних социальных историков и теоретиков – в первую очередь, Лоренца фон Штейна и Отто Вильгельма Мюллера. Кроме того, существуют национальные традиции, в рамках которых со второй половины XIX века ведутся дискуссии о понятиях «интеллектуал» и «интеллигент». В русской традиции речь идет о текстах Н.К. Михайловского, который дал знаменитое определение интеллигенции⁷. В 1890-х годах русские марксисты (главным образом, Г.В. Плеханов) выступили с критикой понимания интеллигенции народниками⁸ (подробнее об этом мы пишем в параграфе «Происхождение понятий «интеллектуал» и «интеллигенция»). В 1900-х годах Р.И. Иванов-Разумник в книге «История русской общественной мысли» систематизирует способы определения понятия «интеллигенция» в России, выделяя социально-этический и социально-экономический подходы⁹. Настоящий публикационный бум последовал после издания сборника «Вехи»¹⁰, ответом на который стали многочисленные публикации в газетах и журналах¹¹ и два «антивеховских» сборника со стороны партий кадетов и эсеров: сборник статей «Интеллигенция в России» и «Вехи» как знамение времени¹². Дискуссии об интеллигенции продолжались и в СССР – в официальном

⁷ Михайловский Н.К. Записки современника // Отечественные записки. Том ССLIX. 1881. С. 201

⁸ Плеханов Г.В. Наши разногласия // Сочинения. Том II. М., Петроград, 1923.

⁹ Иванов-Разумник И.В. История русской общественной мысли: В 3 т. Т. 1 / Подгот. текста, послесл. и примеч. И. Е. Задорожняка и Э. Г. Лаврик. М., 1997.

¹⁰ Вехи // Манифесты русского идеализма / под ред. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2009.

¹¹ Полемика вокруг «Вех» в прессе в 1909-1910 годах собрана в антологии под редакцией В.В. Сапова (Вехи: pro et contra. Антология / под ред. В. В. Сапова. СПб.: РХГА, 1998).

¹² Интеллигенция в России: Сборник статей. СПб.: Земля, 1910; "Вехи" как знамение времени: Сб. ст. М.: Звено, 1910.

советском дискурсе они просуществовали до 1924 года¹³, однако при правлении И.В. Сталина стали уже невозможными, интенсифицировавшись в устном дискурсе.

Во Франции дискуссия о понятии «интеллектуал» возникает в 1890-х годах вместе с делом Дрейфуса. С критикой интеллектуалов выступали Морис Баррес, Шарль Моррас, Фердинанд Брюнетьер¹⁴, а превозносили их такие мыслители, как Эмиль Дюркгейм¹⁵. В XX веке наиболее яркими и значимыми выступлениями в защиту или критику интеллектуалов была работа Жюльена Бенда «Предательство интеллектуалов»¹⁶, Жан-Поля Сартра¹⁷ и его оппонента Раймона Арона¹⁸. Что касается немецкой традиции, то помимо концептуализации понятия в середине XIX века Рилем, можно упомянуть трактовку понятия «интеллигенция» в марксизме, в социальной теории Йозефа Шумпетера¹⁹, а также послевоенную критику понятия «интеллектуал», предпринятую консервативными критиками Арнольдом Геленом и Хельмутом Шельски²⁰.

В США дискуссия о роли интеллектуала интенсифицируется в послевоенное время. Первой значимой работой можно считать книгу Ричарда

¹³ Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий. 1923-1925 гг. / отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1991.

¹⁴ Моррас Ш. Будущее интеллигенции / Пер. с франц. и послесл. А. М. Руткевича. М.: Праксис, 2003.

¹⁵ Durkheim E. L'individualisme et les intellectuels // Revue bleue. 4e série. T. X. 1898.

¹⁶ Бenda Ж. Предательство интеллектуалов / пер. с франц. В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М., 2009.

¹⁷ Sartre J.P. A friend of the people // Between existentialism and Marxism. Verso: London, New York, 1974. P. 286-298; Сартр Ж.П. Защитительная речь в пользу интеллектуалов / пер. с англ. А. Зуйковой. URL: https://scepis.net/library/id_2752.html.

¹⁸ Арон Р. Опиум интеллектуалов / пер. с фр. Л. Боровиковой. М.: Издательство АСТ, 2015.

¹⁹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с нем. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой и др. М., Эксмо, 2008.

²⁰ На русском языке с теориями Гелена и Шельски можно ознакомиться по следующим работам: Руткевич А.М. Теория институтов А. Гелена // История философии. № 5. 2000. С. 35-71; Филиппов А.Ф. Арнольд Гелен и Хельмут Шельски // История и теория интеллигенции и интеллектуалов. (Мыслящая Россия). М.: Фонд «Наследие Евразии», 2009.

Хофштедера «Анти-интеллектуализм в американской жизни»²¹. Одним из главных тем для обсуждения становится падение роли публичного интеллектуала: знаковой работой в этой области можно считать книгу Рассела Якоби 1987 года «Последние интеллектуалы: американская культура в эпоху академии»²². Дискуссия о своеобразном возрождении публичного интеллектуала продолжается и в 2000-е годы, и в настоящее время, как показано в параграфе диссертации «Современные дискуссии об интеллектуалах».

Кроме того, существует ряд работ, в которых понятие «интеллектуал» становится значимым компонентом социальной теории и философии. В первую очередь, речь идет о работах Антонио Грамши и Карла Маннхейма, анализ которых предпринимается в одной из глав диссертации.

Вторым типом литературы, с которым мы работаем, является исследовательская литература, в которой реконструируется политический, социальный и философский контекст дискуссий вокруг понятия «интеллигенция» и «интеллектуал». Что касается дискуссии в России вокруг сборника «Вехи», можно выделить работы М.А. Колерова²³, статьи Н.С. Плотникова²⁴, Айлин Келли²⁵, коллективную монографию «Вехи в контексте

²¹ Hofstadter R. *Anti-intellectualism in American life*. New York, Alfred A. Knopf: 1963.

²² Russell J. (2000) *The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe*. New York: Basic Books.

²³ Колеров М. А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб.: Алетейя, 1996; Колеров М.А. Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Минск: Лимариус, 2020.

²⁴ Плотников Н.С. Заметки о «Вехах» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2003 год [6] / Под редакцией М. А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2004. С. 562-571; Плотников Н.С. К вопросу об «актуализации» веховской философии: сборник *Russlands politische Seele* // (Приложение: Гурвич И. Вступление [к сборнику] // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник, 1997. СПб., Алетейя: 1997. С. 66–93.

²⁵ Kelly A. *Self-Censorship and the Russian Intelligentsia, 1905-1914* // *Slavic Review*, Vol. 46, No. 2 (Summer, 1987), pp. 193-213.

русской культуры»²⁶. Особой важностью для нас обладает коллективная монография, посвященная реконструкции социального и политического контекста вокруг «Вех» под названием «Landmarks Revisited: The Vekhi Symposium One Hundred Years On»²⁷.

В дискуссии вокруг дела Дрейфуса самыми значимыми работами мы считаем книгу Мишеля Винока «Национализм, антисемитизм и фашизм во Франции»²⁸, в которой Винок прослеживает зарождение идеологии антидрейфусаров и дрейфусаров (а также отличия французского национализма в эпоху Великой французской революции и Третьей республики). Кроме того, при анализе дела Дрейфуса мы опираемся на книгу Кристофа Шарля «Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века», в которой Шарль прослеживает истоки тех социальных групп, которые в конце 1890-х годов назовут себя «интеллектуалами», а также принципы размежевания дрейфусаров и антидрейфусаров в университетской, академической, журналистской среде и в сфере искусства²⁹.

В анализе позиции Жюльена Бенда относительно интеллектуалов для нас важно предисловие к русскому переводу книги Бенда А.В. Матешука³⁰ и глава «Жюльен Бенда и интеллектуальное предательство» в книге Майкла Уолцера «Компания критиков: социальная критика и политические

²⁶ «Вехи» в контексте русской культуры // под ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2007.

²⁷ Landmarks Revisited: The Vekhi Symposium One Hundred Years On / ed. by R. Aizlewood, R. Coates. Boston, MA: Academic Studies Press, 2013.

²⁸ Winock M. Nationalism, Anti-Semitism, and Fascism in France / tr. by J.M. Todd. Stanford: Stanford University Press, 1998.

²⁹ Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века / пер. с фр. под ред. С.Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2005.

³⁰ Матешук А.В. Жюльен Бенда: вечные ценности интеллектуала // Предательство интеллектуалов / Жюльен Бенда; пер. с франц. В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М., 2009.

пристрастия XX века»³¹. Реконструкция позиции Сартра опирается на работы Дэвида Дрейка³².

В анализе теории интеллектуалов Антонио Грамши значимыми работами для нас являются статья Т.А. Дмитриева «Антонио Грамши»³³ и статья Н.А. Дмитриевой и Е.С. Чичина «Интеллигенция или интеллектуалы? Систематическое значение понятия «gli intellettuali» в философии Антонио Грамши»³⁴. Для теории интеллектуалов Карла Маннхейма мы используем статью В.А. Куренного³⁵, для реконструкции позиции в классическом марксизме – статью А.Н. Дмитриева³⁶, позиции Парсонса – лекции Крейга Калхуна «Теории модернизации и глобализации: Кто и зачем их придумывал»³⁷.

Третьим типом литературы, с которым мы работаем, являются исследования по истории понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы». Авторы работают с большим корпусом текстов, включающих в себя не только теоретические работы, но и тексты художественной литературы, переписку, тексты в прессе и так далее. Самой значимой работой, до сих не переведенной на русский язык, является книга Отто Мюллера «Интеллигенция». Автор на материале огромного корпуса текстов

³¹ Уолцер М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века / пер. с англ. М., 1999.

³² Drake D. Intellectual of the Twentieth Century // Sartre Studies International. Vol. 9, No. 2 (2003), pp. 29-39; Drake D. Sartre and May 1968: The Intellectual in Crisis // Sartre Studies International, Vol. 3, No. 1 (1997), pp. 43-65.

³³ Дмитриев Т.А. Антонио Грамши // История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 207-228.

³⁴ Дмитриева Н.А., Чичин Е.С. Интеллигенция или интеллектуалы? Систематическое значение понятия «gli intellettuali» в философии Антонио Грамши // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина: научный журнал. Т. 2: Философия, 2013. № 2. С. 35-45.

³⁵ Куренной В.А. Карл Манхейм // История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 229-255.

³⁶ Дмитриев А.Н. Марксизм // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М., 2009.

³⁷ Калхун К. Теории модернизации и глобализации: Кто и зачем их придумывал. Лекция 17.01.2006. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-143310.html>.

анализирует способы употребления слова «интеллигенция» и трансформации его значения в русской культуре в конце XIX и начале XX века. Для нас самыми важными выводами Мюллера являются, во-первых, то, что понятие «интеллигенция» появляется в одну эпоху в России, Германии, Франции (таким образом, Мюллер не подтверждает тезис об уникальности понятия «интеллигенция» в России). Кроме того, Мюллер приходит к выводу о том, что к концу XIX века в России был представлен максимальный спектр значения понятия «интеллигенция» и сводить его только к одному значению было бы «фантастикой»³⁸. Кроме того, к исследованиям по истории понятия «интеллигенция» относится работа Д.А. Сдвижкова «Знайки и их друзья: Сравнительная история русской интеллигенции»³⁹ и его глава в коллективной монографии «Понятие о России» под названием «От общества к интеллигенции: история понятий как история самосознания»⁴⁰. Двумя важнейшими работами в исследовании истории понятий «интеллектуал» и «интеллигенция» для нас являются две коллективные монографии, изданные в России — «История и теория интеллигенции и интеллектуалов»⁴¹ и «Картография современных интеллектуальных направлений»⁴².

Объект, предмет и границы исследования

Объектом данного исследования выступает широкий корпус текстов, посвященных интеллектуалам и интеллигенции в основных национальных традициях — российской, французской, немецкой и американской. Предмет исследования — теории интеллектуалов и интеллигенции.

³⁸ Müller O. W. (1971) *Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes*. S. 251.

³⁹ Сдвижков Д.А. *Знайки и их друзья. Сравнительная история русской интеллигенции*. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

⁴⁰ Сдвижков Д.А. *От общества к интеллигенции: история понятий как история самосознания // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода*. Т. I. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

⁴¹ Куренной В.А. (ред.) (2009) *История и теория интеллигенции и интеллектуалов*. (Мыслящая Россия.) М.: Фонд Наследие Евразии.

⁴² Куренной В.А. (ред.) (2006) *Картография современных интеллектуальных направлений*. (Мыслящая Россия.) М.: Фонд Наследие Евразии.

Из определения объекта и предмета исследования следуют границы последнего. Во-первых, исследование не ставит себе целью описание всех широко варьируемых теорий интеллигенции, но лишь выделение наиболее типичных теоретических моделей. Во-вторых, диссертация не претендует на анализ всех существующих национальных традиций осмысления понятий «интеллектуал» и «интеллигенция». Выбранные традиции отличаются внутренней связанностью и взаимным интересом – Изгоев анализирует дело дрейфусаров, Моррас ссылается на использование понятия «интеллигенция» в России, Белл интересуется Махайским и так далее.

Цель и задачи исследования

Цель данного исследования – экспликация основных типов теорий интеллигенции и интеллектуалов.

Для достижения поставленной цели в диссертации будет последовательно решен следующий ряд задач. Во-первых, будет проведен анализ истории понятия «интеллигенция» и «интеллектуал». Во-вторых, будет проведен анализ социальной истории интеллигенции. В-третьих, типы теорий интеллигенции будут структурированы. В-четвертых, содержательное описание этих типов или моделей будет продемонстрировано на примере российской, французской, немецкой, американской традиции.

Теоретико-методологическая основа исследования

Один из центральных тезисов диссертации состоит в том, что в конце XIX века в ряде стран слово «интеллектуал» и «интеллигенция» переходит в категорию понятия – не нейтрального термина, а ценностно нагруженного и несводимого к одному определению. Поскольку в диссертации предлагается семантический анализ понятия «интеллектуал» и «интеллигент», это существенным образом ограничивает область нашего анализа. Мы анализируем тексты, в которых употребляется само слово «интеллектуал», но не берем в расчет ретроспективную историю этого понятия – когда люди, не называвшие себя интеллектуалами, но принадлежавшие к образованному

классу, например, в Средние Века, впоследствии становятся объектом анализа и идентифицируются в качестве интеллектуалов. Классический пример такого исследования – книга Жака Ле Гоффа «Интеллектуалы в Средние Века»⁴³. Кроме того, такую ретроспективную историю выстраивают многие дискуссанты (к примеру, в «Вехах» Струве объявляет интеллигенцию исторической преемницей казачества⁴⁴).

Для работы с понятием представляются наиболее подходящими историко-семантический подход Райнхарта Козеллека. Ключевой для Козеллека является разница между словом и понятием: «Слово становится понятием, когда эта смысловая связь, в которой и для которой употреблено слово, полностью укладывается в слово. Понятие живет в слове, но оно в то же время больше, чем слово»⁴⁵. По мнению Козеллека, если значения слов точно определены, то понятия можно только интерпретировать. Главным критерием для определения понятия является его многозначность: «Тем не менее это различие между словом и понятием держится на очевидности эмпирических примеров, несмотря на то что слова и понятия, по Козеллеку, должны быть отличимы и по определению»⁴⁶. Переход от слова к понятию является, по мнению исследователя Х.Э. Бедекера, не вполне проясненным, хотя этот переход является «основополагающим условием того, что понятия оказываются действующими историческими факторами»⁴⁷.

⁴³ Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние Века / пер. с. Фр. А.М. Руткевича. 2-е изд. Спб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2003.

⁴⁴ «После того как казачество в роли революционного фактора сходит на нет, в русской жизни зреет новый элемент, который – как ни мало похож он на казачество в социальном и бытовом отношении – в политическом смысле приходит ему на смену, является его историческим преемником. Этот элемент – интеллигенция» (Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи // Манифесты русского идеализма / под ред. В.В. Сапова. М., 2009. С. 579).

⁴⁵ Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / под ред. Х.Э. Бёдекера / пер. с нем. М., 2010. С. 42.

⁴⁶ Там же. С. 43.

⁴⁷ Там же.

Козеллек выделяет несколько типов понятия, главными из которых являются базовые. В базовых понятиях соединяются опыт и ожидание, они всегда спорны и сохраняют свое историческое значение на протяжении долгого периода. Понятия не просто конструированы социальной реальностью, но и сами на неё влияют: «в историко-политической перспективе основные социальные понятия употребляются именно для тех мыслей, которые в процессе употребления постепенно и конденсируются. Каждое повторное употребление оживляет их, именно поэтому мысли имплицитно предпосланы употреблению»⁴⁸. Козеллек противопоставляет историю понятий истории идей (в Германии эту методологию развивал, прежде всего, Фридрих Мейнеке) – если последняя изучает изолированные друг от друга идеи, то история понятий «направлена скорее на конкретное употребление языка в социальной, политической или правовой жизни»⁴⁹. Тем не менее, по мнению Бедекера, во многих статьях «Словаря основных исторических понятий» авторы не избежали опасности представлять «понятия» и «смысл» как более или менее статичные «идеи» и «концепты»⁵⁰.

История понятий также противопоставляет себя лингвистическому анализу, поскольку она привлекает обширный исторический контекст, «и ее концепция строится на социополитических, а не на лингвистических терминах»⁵¹. Главной эпистемологической проблемой историографической истории понятий является отношение между словом, понятием и реальностью. Как заявляет Бедекер, «многочисленные попытки Козеллека точно определить это соотношение остались в результате, скорее, неопределенными»⁵².

⁴⁸ Там же. С. 47.

⁴⁹ Там же. С. 63.

⁵⁰ Там же. С. 52.

⁵¹ Там же. С. 55.

⁵² Там же. С. 58.

Особую роль играет сравнительное изучение понятий (что важно для нашего исследования). Понятия существуют за счет повторений, а повторение конституирует «большую длительность» языка⁵³. Семантика является в сущности возможностью повторения, при этом она связана с каждым языком в отдельности. Козеллек также постулирует взаимозависимость двух методологических подходов – истории понятий и истории дискурса (при этом он выступает против бесконечного расширения контекста в исследовании, поскольку последнее – «это, в определенном смысле, взгляд через объектив камеры»⁵⁴. Голландский исследователь Мартин ван Гельдерен называет соотношение этих методологий «проблемой курицы или яйца»: «Там, где понимание понятий требует реконструкции дискурсивных особенностей их использования, восстановление политического языка и политического словаря должно быть основано на понимании конститутивных компонентов, таких как понятия. История понятий и история политического языка могут встретиться друг с другом на методологической «срединной земле», в целях удобства называемой семантическим полем⁵⁵.

Как отмечает В.А. Куренной, главной проблемой исследовательской программы истории понятий становится вопрос, как она связана с социальной историей. Этот вопрос является частным случаем «трудной проблемы» классической новоевропейской философии сознания: «если все наши знания о мире опосредованы нашими представлениями, то как же нам узнать, чему они в мире соответствуют?»⁵⁶. Кроме того, Куренной указывает

⁵³ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / под ред Х.Э. Бёдекера / пер. с нем. М., 2010. С. 27.

⁵⁴ Там же. С. 22.

⁵⁵ Gelderen M. v. Between Cambridge and Heidelberg. Concepts, Languages and Images in Intellectual History // History of concepts: comparative perspectives / ed. by I. Hampsher-Monk et al. Amsterdam, 1998. P. 234.

⁵⁶ Куренной В.А. История философской истории понятий: предисловие к переводу Г. Люббе // Социология знания. Т.29. № 4. С. 198.

на недостатки теории Козеллека, которые касаются его различия между понятием и словом. Определение, данное Козеллеком (понятие, в отличие от слова, вмещает в себя всю полноту общественно-политического контекста значений) неудовлетворительно, поскольку такой подход (помимо своей архаичности) возможен только для историка, который смотрит в прошлое. Для современников, включенных в общественно-политический контекст, понятия, напротив, обладают однозначностью.

Немецкий философ Германн Люббе предлагает другой критерий различия, который может превратить слово в понятие. Прежде всего, он отмечает, что задачей истории понятий не может быть попытка дать некоторую нормативную дефиницию понятию. История понятий может только релятивизировать и историзировать обязательность фактической дефиниции понятия⁵⁷. Понятия – это «схемы ориентации и действия для практики и теории»⁵⁸, их можно сравнить с картами, которые позволяют человеку ориентироваться даже тогда, когда они неточны. Понятие формируется не в результате рационального консенсуса и характеризуется стремлением «собрать души» вокруг него»⁵⁹; понятие становится паролем.

Если Козеллек при определении понятия ориентируется на «полноту общественно-политического контекста значений», то для Люббе первостепенное значение имеет семантический спор или конфликт. В этом случае понятие служит паролем различных идейно-политических фронтов. Борьба за значение понятия обычно начинает разворачиваться в узких интеллектуальных кругах, однако затем может иметь колоссальные политические последствия, поскольку речь идет о власти и господстве идей. При этом нет устоявшегося правильного именованя, а также невозможна апелляция к независимой третьей инстанции, которая бы точно установила

⁵⁷ Там же. С. 220.

⁵⁸ Там же. С. 221.

⁵⁹ Там же. С. 223.

значение этого понятия. Все агенты, вовлеченные в спор об именовании (определении значения понятия) вовлечены в политическую борьбу, «рассматриваемая политическая борьба за именование, как политическая борьба вообще, ведется, как правило, не посредством приговора моральных или юридических инстанций и не посредством заключения лингвистических экспертов по вопросам семантики»⁶⁰. При успешном изменении значения понятия меняется и социальная реальность и фактические значимые системы различения.

Метод истории понятий требует детального анализа строго определенного массива источников и является историографией особого типа. Однако любая полнота спектра имеет своей обратной стороной чрезвычайное сужение предмета исследования. В настоящем исследовании мы опираемся на существующие исследования по истории понятия «интеллигенция», «интеллектуал», которые показывают, что эти слова выступают в качестве лозунгов, способствующих объединению людей под их знаменами и вызывающих полемические дискуссии. Мы стремимся другими методологическими свойствами прояснить этот феномен и артикулировать его специфику; в исследовании нет законченного корпуса текстов для анализа. Таким образом, наше исследование не представляет собой историю понятий, цель исследования – концептуальный анализ, анализ и экспликация теорий.

Научная новизна исследования

Научная новизна диссертации состоит, во-первых, в том, что проведено комплексное исследование проблематики понятий «интеллектуал» и «интеллигенция» с использованием целой группы методов – история понятий, социальная история, концептуальная экспликация основных теорий. Во-вторых, впервые проблематика интеллигенции исследуется на таком

⁶⁰ Люббе Г. Быть и именоваться. История значения как поле политического языкового действия / пер. с нем. О. Кильдюшова. Социология власти. Т. 29. № 17, 2007. С. 245.

широком материале. В-третьих, сквозным образом теории интеллигенции выделяются в нескольких национальных традициях. В-четвертых, впервые дана систематическая типология этих теорий, которые эксплицированы на значительном материале существующих работ, посвященных проблематике интеллигенции и интеллектуалов. В-пятых, впервые в отечественной литературе даны детальные экспликации теорий интеллигенции Яна Вацлава Махайского и А.С. Изгоева.

Положения, выносимые на защиту

1) Несмотря на то, что на протяжении последних нескольких десятков лет ведется дискуссия об упадке и исчезновении роли публичного интеллектуала, понятие «интеллектуал» по-прежнему остается значимым для современного общества, что показано в диссертации на примере дискуссий о фигуре публичного интеллектуала в США в 2000-х гг. Современные авторы, обсуждающие проблематику интеллектуалов, рассматривают те же вопросы, что и авторы XIX-XX вв.: возможный упадок публичного мнения и риски манипулирования им. Критическая позиция по отношению к интеллектуалам продолжает состоять в том, что они обвиняются в отсутствии ответственности за свои слова (похожие критические инвективы в адрес интеллектуалов высказывал французский философ Раймон Арон в книге «Опиум интеллектуалов» 1955 года и немецкий социолог Хельмут Шельски в книге «Работу делают другие», изданной в 1975 году).

2) В рамках социальной истории современного общества понятия «интеллектуал» и «интеллигенция» начинают использоваться уже с середины XIX в. — наряду с другими основными понятиями классовой и групповой стратификации. Структурный элемент пролетариата — «умственный пролетариат» — определяется как группа, занятая деятельностью по найму, но зарабатывающая средства умственным трудом (чиновники мелкого и среднего уровня, учителя, литераторы, журналисты и так далее). Определяющее влияние на социальное содержание понятий «интеллигенция»

и «интеллектуалы» оказала работа «История социальных движений во Франции с 1789 года до наших дней» Лоренца фон Штейна 1850 года и книга «Гражданское общество» Вильгельма Генриха Рила. Таким образом, понятия «интеллигенция», «пролетариат духовного труда» и т.д. начинают использоваться в современной социальной или протосоциальной теории практически с начала ее формирования.

3) В рамках властно-управленческого дискурса вопрос об интеллектуалах и интеллигенции возникает в контексте риска разрушения устоявшейся сословной и стратифицированной структуры общества. Николай I в 1827 году, прусский министр образования Густав фон Гёсслер в 1889 году, равно как и советник Нью-Йоркского Университета А.М. Картер в 1970 году в разных формах высказываются против неподобающего образования для большого числа учащихся и отмечают риски перепроизводства такого рода выпускников. Феномен перепроизводства выпускников университетов историки называют одним из источников социальной напряженности во время революций 1848 года, французской полемике о деле Дрейфуса, русской революции 1917 года или волны студенческих протестов 1968 года.

4) Хотя понятие «интеллектуал» и «интеллигенция» стали широко употребляться только в конце XIX века, функциональная роль этой группы, как мы можем определить ретроспективно, обсуждается уже в ранний период формирования современного общества, начиная с XVIII века, в контексте проблемы «публики» и «общественного мнения». В частности, в работах И. Канта «ученый» или «философ» обязаны высказываться со строго рациональной позиции публично в интересах общего блага. Социальный и дискурсивный парадокс состоит, однако, в том, что понятия «интеллектуал» и «интеллигенция» начинают активно использоваться в тот период, когда исследователи диагностируют начало кризиса и деформации «публичной сферы» (Ю. Хабермас).

5) Феномены интеллектуалов и интеллигенции начинают активно обсуждаться в контексте развития различных вариантов «философии подозрения», прежде всего – марксистского типа. Здесь любая позиция, претендующая на выступление с точки зрения «общего блага», рассматривается как невозможная и заведомо ангажированная каким-то партикулярным (классовым, партийным) интересом.

6) Базовое бинарное различие различных теорий и трактовок феномена интеллектуалов и интеллигенции сводится к различию между репрезентаций партикулярного (классового) или общего (рационального, универсального, «беспартийного») интереса. Последняя позиция регулярно воспроизводится также современными теоретиками, в частности, в поздних текстах П. Бурдьё развивается концепция «интернационала интеллектуалов», действующего в рамках универсального рационального горизонта. Специфика собственно марксистской позиции в данном контексте состоит в том, что интеллектуал, выступающий в защиту пролетариата, хотя и выступает от имени одной группы, но при этом действует в интересах всего человечества в целом (поскольку именно пролетариату суждено уничтожить классовое деление общества).

7) В настоящей работе мы используем четырехчастную типологию концептуализаций феномена интеллектуалов и интеллигенции, предложенную в одной из работ В. Куренного, существенно расширив, однако, эмпирическую базу данной типологии. Эти концептуализации рассматривают феномен интеллектуалов и интеллигенции как, 1) группу, функционально определяющую себя через особый вид занятости («умственный труд»), доступ к которому обеспечивает определенный уровень образования; 2) как группу, определяющую себя в ценностных, идеологических и моральных категориях; 3) как самостоятельную социально-экономическую группу (класс), преследующую свои собственные, особые интересы господства; 4) как специфических представителей любой

социальной группы, опосредованно обеспечивающих ее интересы господства.

8) Группа источников, которые являются объектом исследования в настоящем исследовании, имеет различную степень теоретизации. Она простирается от текстов-манифестов (например, «Вехи») до текстов социально-теоретического характера, к каковым относятся теория интеллектуалов Карла Маннхейма и Антонио Грамши. Тем не менее во всех этих работах понятие «интеллектуал» и «интеллигенция» выступают как «основные» или «спорные» понятия, с отчетливым критическим или апологическим стремлением придать данному понятию определенную ценностно-нагруженную семантику. В рамках диссертации рассматривается ряд теорий интеллигенции, которые до настоящего времени являлись малоизученными в российской и мировой исследовательской литературе (в частности, теория Я. Махайского).

9) Хотя считается, что сборник «Вехи» посвящен только российскому феномену интеллигенции и ее роли в революции 1905 года, один из авторов сборника — А.С. Изгоев — разрабатывал свою теорию интеллигенции под влиянием дела Дрейфуса во Франции в 1898 году, и его понимание роли интеллигенции было полностью сформировано до революции 1905 года. Хотя позиция Изгоева довольно сильно отличается от общей «идеалистической» позиции других авторов «Вех», он также считал, что интеллигенция способна играть ведущую роль в политической жизни страны и вести ее к обретению политической свободы.

10) Теория интеллигенции Яна Вацлава Махайского оказала непосредственное влияние на формирование ряда западных социальных концепций второй половины XX века: теорий «нового класса» и постиндустриального общества. В России теория Махайского фактически вытеснена из горизонта современных исторических исследований, что может быть прослежено начиная с периода 1930-х гг., когда в СССР по

непосредственной инициативе Сталина была развернута компания по борьбе с «махаевщиной». Вместе с тем ее роль в международном контексте чрезвычайно высока. Благодаря Максу Номаду она была перенесена в западный (англоязычный) контекст, в результате чего идеи Махайского оказались известны и были восприняты рядом крупных социальных теоретиков середины XX века, в частности, Дэниелом Беллом и Алвином Гоулднером, и могут быть рассмотрены в качестве одного из источников различных теорий «общества знания» (knowledge society).

11) Идеи Махайского, рассматривавшего доступ к знанию и образованию как определенный вид капитала, могут быть систематически распознаны и в более поздних теориях, в частности, в теории культурного капитала Пьера Бурдьё и в концепции общества сингулярностей Андреаса Реквица, хотя они не основывались непосредственно на влиянии этих идей.

12) На примере академической биографии Вальтера Беньямина и рецепции его идей и самой его фигуры в США продемонстрировано, как тип интеллектуала, который был маргинальным в Германии 20-х-30-х гг., оказался востребованным в американской культуре последней четверти XX века. История американской рецепции наследия и роли Беньямина может быть интерпретирована как часть тренда на преодоление американского «антиинтеллектуализма» и популяризацию фигуры внеинституционального интеллектуала.

Апробация результатов исследования

Результаты исследования были апробированы в следующих докладах на научных конференциях и семинарах лабораторий:

1) Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, МГУ). Доклад: «История рецепции В. Бенямина в США», 12 апреля 2018;

2) Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалог (Москва, НИУ ВШЭ), семинар «Диалог России и Европы: взгляд молодых исследователей». Доклад: «Беспочвенники» и «староверы»: критика интеллектуалов и интеллигенции в деле Дрейфуса и «Вех» (компаративный анализ)», 23 сентября 2020;

3) Международная конференция «Способы мысли, пути говорения. Философия, ее прошлое и будущее» (Москва, НИУ ВШЭ). Доклад «Беспочвенники» и «староверы»: критика интеллектуалов и интеллигенции в деле Дрейфуса и «Вех», 7 октября 2021;

4) Институт исследований культуры (Москва, НИУ ВШЭ). Доклад «Культурная функция интеллектуалов: философский анализ», 23 июня 2021;

5) Центр фундаментальной социологии, конференция «Политическая теология советского модерна: от революционных доктрин посюстороннего спасения к культурным практикам социалистического строительства» (Москва, НИУ ВШЭ). Доклад ««На новый лад пропетая старая молитва»: анархистская критика социализма как квазирелигиозной системы в конце XIX-начале XX в.», 19 марта 2022.

Основные положения диссертационного исследования были отражены в следующих публикациях:

- 1) Chernovskaya M. Walter Benjamin as the 'last European': the transfer of Walter Benjamin's ideas to American cultural studies [Вальтер Бенямин — последний «европеец»: трансфер идей Вальтера Бенямина в

американские культурные исследования] // Russian Sociological Review. Vol. 20. No. 4, 2020. P. 137-151.

2) Черновская М.А. Критика марксизма как прототеория культурного капитала и «нового класса»: теория интеллигенции Яна Вацлава Махайского // Социологическое обозрение. Т. 21. № 1, 2022. С. 235-263.

3) Черновская М.А. Представления А.С. Изгоева об интеллигенции // Философский журнал. Т. 15. № 2, 2022. С. 17-30.

Основное содержание работы

В первой главе «История понятий и социальная история» в первом разделе на примере дискуссий о фигуре публичного интеллектуала в США в 2000-х гг. показано, что понятие «интеллектуал» до сих пор остается одной из ключевых для социологов, философов, культурологов. Хотя в США во второй половине XX века была влиятельна концепция об упадке публичного интеллектуала, к XXI веку это понятие не перестало быть объектом для осмысления, анализа и дискуссий в этой стране. Для нашего исследования важны несколько моментов: во-первых, значительную часть дискуссии об интеллектуалах занимает попытка дать определение этому понятию, с чем авторы каждый раз испытывают затруднение. Отсюда следует признание некоторой произвольности критериев принадлежности к публичным интеллектуалам в исследовании Ричарда Познера; Голдфарб отмечает, что «неопределенность относительно идентичности интеллектуала – это важный социологический факт»⁶¹.

Кроме того, краткий обзор существующих исследований показал, что современные мыслители придерживаются тех же тем, что и исследователи в конце XIX и в XX веке. В разделе «Проблематика публичного и частного в обществе модерна» мы покажем, насколько важно при обсуждении понятия «интеллектуал» имеет понятие «публика», возникшее в эпоху Просвещения в XVIII веке. Современные исследователи обращают внимание на трансформацию публики в обществе модерна. Некоторые, как Кристофер Хитченс, полагают, что на мнение публики не стоит обращать внимание, поскольку она является продуктом манипуляции различных корпораций. Другие, как Голдфарб, настаивают на том, что начавшаяся в XIX веке и продолжившаяся в XX трансформация публики не привела к её упадку и невозможности свободного рационального обсуждения важных тем в обществе. Обвинение интеллектуалов в том, что они не несут никакой

⁶¹ Goldfarb J. (1998) Civility and subversion. Cambridge: Cambridge University Press. P. 20.

ответственности за свои слова, обращенные к широкой публике, которое выдвинул Познер, также не ново и не оригинально. Похожие упреки в адрес интеллектуалов высказывал французский философ Раймон Арон в книге «Опиум интеллектуалов» 1955 года и немецкий социолог Хельмут Шельски в своей книге «Работу делают другие», изданной в 1975 году.

В разделе «Происхождение понятий «интеллектуал» и «интеллигенция» реконструируется переход от абстрактного к собирательному существительному – он произошел около 1830 года во Франции и Англии, после 1848 года в Германии и после 1860 года в России⁶². Речь уже идет о понятии «интеллигенция» не только как о качестве человеческого разума, но и о том, какая часть населения является носителем такого разума, который мог бы управлять страной. Во Франции для консервативно-монархической партии после 1830 года носителем такого интеллекта становится монарх и родовая аристократия, в свою очередь, революционно-демократическая партия требует всеобщего избирательного права, поскольку каждый гражданин способен судить о государственных делах⁶³.

В разделе «Интеллигенция и интеллектуалы как социальная реальность: предпосылки и основные факторы возникновения» мы обращаемся к объективированному аспекту социальной истории интеллигенции и интеллектуалов, социальным предпосылкам формирования тех социальных групп, которые впоследствии назовут себя «интеллигенцией» и «интеллектуалами» или будут так названы. В диссертации не может ставиться задача проследить социальную историю интеллектуалов, тем более что она является спорной. Тем не менее надо понимать, что при формировании современной социальной теории или протосоциальной теории тема интеллигенции и интеллектуалов возникает практически сразу. В этом

⁶² Müller O. W. *Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes.* Frankfurt a. M., 2002. P. 50.

⁶³ *Op. cit.* P. 61.

разделе мы предлагаем рассмотреть социальную историю интеллектуалов на двух примерах национальных историй – немецкой и французской.

Под главными социальными предпосылками появления группы «интеллигенция и «интеллектуалы» мы понимаем следующие. Во-первых, социальная реальность в XIX веке существенно трансформируется по сравнению с XVIII, поскольку определенные социальные группы (пролетариат) *начинают претендовать как на защиту своих трудовых прав, так и на свое представительство в государственном управлении.* Параллельно с этим возникает понятие «умственный пролетариат», призванное обозначать людей, которые зарабатывают средства умственным трудом (чиновники мелкого и среднего уровня, учителя, литераторы, журналисты). Именно представители умственного труда зачастую становятся лидерами рабочего движения (главная проблема которого в революциях 1848 годов – отсутствие хорошей самоорганизации). Вместе с тем, довольно рано у современников закрадывается подозрение в том, что те, кто называет себя «умственным пролетариатом» стремятся не к освобождению рабочих, а к соблюдению собственных интересов. Одна из первых концептуализаций такого рода представлена в книге Вильгельма Генриха Рия «Гражданское общество».

Революции 1848 завершились поражением тех, кто хотел кардинально изменить социальный порядок, однако заставили политические элиты смириться с тем, что необходимо заручиться в одобрении населения в своем правлении. Социалистические движения во второй половине XIX века набирают силу, попытка их запретить (как в случае Бисмарка и СДПГ) способствуют только их возрастающей популярности. Во главе социалистических движений стояли не выходцы из среды рабочих – основатель первой массовой партийной организации немецкого рабочего движения Фердинанд Лассаль родился в семье богатого торговца шелком, основатель французской социалистической партии Жюль Гед был сыном

профессора, Поль Лафарг – владельца кофейных плантаций на Кубе. Таким образом, многие хорошо образованные выходцы из буржуазных семей находят свое призвание в руководстве рабочими движениями (зачастую не имея возможности другим способом оказывать влияние на политику, поскольку доступ в политические элиты европейских стран был крайне затруднен). Одной из причин радикализации части образованных людей в России («Народная Воля», «нечаевское дело», боевая организация эсеров) историки называют невозможность влиять на политический процесс путем агитации среди рабочих и крестьян, не говоря уже об участии в политических процессах.

Вторым важным социальным процессом стала *массовизация высшего образования в Европе*. Она проходила с разной степенью интенсивности на протяжении XIX и XX веков. Между 1870 и 1913 годами в Германии количество студентов утроилось, во Франции выросло более чем в 4 раза. Вторая половина XX века стала этапом радикальной массовизации высшего образования – только во Франции в 1950 году доля студентов в населении Франции составляла 4 процента, а в 1970 году – уже 15,5 процентов. Одновременно с процессом массовизации у чиновников и правителей возникают опасения в том, что происходит *перепроизводство людей с высшим образованием*, чьи амбиции после выпуска из учебного заведения не смогут быть удовлетворены имеющимися должностями в государственном управлении, предпринимательстве, в учебных заведениях. Кроме того, такие выпускники могут претендовать на включение в политическую элиту страны, доступ в которую все еще определяется происхождением человека или финансовым капиталом (что в случае крупной буржуазии было друг другу тождественно), а не его культурным капиталом или дипломом об образовании. Несовпадения между амбициями молодых выпускников и профессиональной самореализацией служили одним из важных источников

социальной напряженности – от революций 1848 года, русской революции 1917 года или волны студенческих протестов 1968 года.

Последнее, что стоит отметить – возрастающая *интеллектуализация труда*, которая имело место во второй половине XX века. Именно с возрастающей потребностью в «людях знания» связана радикальная массовизация высшего образования, которая произошла во второй половине XX века.

В разделе «Проблематика публичного и частного в обществе модерна» мы показываем, что, хотя понятие «интеллектуал» стало широко употребляться только в конце XIX века, предпосылки для его формирования были уже в XVIII веке и возникли благодаря появлению понятия «публика». Фактически в изложении Канта ученый или философ, который выступает перед читающей публикой – это и есть интеллектуал (в интерпретации дрейфусаров или Жана-Поля Сартра), поскольку он выступает в интересах народа (общего блага) и не преследует свои эгоистические интересы. Тем не менее понятие «интеллектуал» возникает тогда, когда понятия «публика» и «общественное мнение» уже дискредитированы. С одной стороны, движение историзма поставило под сомнение унитарный стандарт рациональности (таким образом, поставив под сомнение возможность публики прийти к рациональному консенсусу), с другой – благодаря марксизму и развитию парламентаризма под сомнением оказалась возможность позиции беспартийности (напомним, что, по мнению Канта, только исходя из такой позиции можно делать публичные заявления в интересах народа или нации).

На наш взгляд, апология или критика позиции интеллектуалов, которая разворачивается в текстах мыслителей в XX веке, тесно связана с моделью «публики», изложенной в работах философов эпохи Просвещения. Мыслители, защищающие эту модель (например, поздний Бурдьё, создавший концепцию интернационала интеллектуалов) исходят из того, что сохраняется позиция универсального горизонта (унитарного стандарта

рациональности), в рамках которой действует интеллектual. С другой стороны, в марксизме интеллектual, выступающий в защиту пролетариата, выступает от имени одной группы и одновременно в интересах всего человечества в целом (поскольку именно пролетариату суждено совершить всемирную революцию). Тем не менее универсальный горизонт, присущий концепции марксизма, окончательно уходит из движения «левых» мыслителей во второй половине XX века в связи с утратой веры во всемирную революцию и разочарования в странах социалистического блока. В теории интеллектualов Манхейма, которую мы характеризуем как апологетическую, интеллектual может примкнуть к какому-либо классу и защищать его интересы, однако существует «свободно парящая интеллигенция», сохраняющая универсальный горизонт понимания и не присоединяющаяся к какой-либо группе или классу.

С другой стороны, критики интеллектualов указывают на то, что интеллектual не может представлять интересы всего народа – претендуя на позицию беспартийности, он на самом деле представляет одну из групп или партий общества. Кроме того, для критиков интеллектualов позиция, претендующая на унитарную рациональность, была окончательно дискредитирована движением историзма и больше невозможна в современном мире – они указывают на несовместимость претензии интеллектualов и действительной социальной роли, которую они играют.

В второй главе мы обращаемся к теориям, которые определяют интеллектualов или интеллигенцию, как группу, функционально определяющей себя через особый вид занятости («умственный труд»), доступ к которому обеспечивает определенный уровень образования. По нашему мнению, такие теории представлены в официальном советском дискурсе начиная с 1930-х гг., а также в теории американского социолога Толкотта Парсонса. Марксистские теоретики (включая Ленина, Троцкого и Луначарского), определяют интеллигенцию как «умственных работников», которые составляют только прослойку между классами и способны

примкнуть как к классу буржуазии, так и к классу пролетариата. Тем не менее узкая группа интеллигенции, примкнувшая к пролетариату, определяется марксистами как «кучка праведников».

Если Маркс и Энгельс полагали, что пролетариат может самостоятельно прийти к революционному сознанию и совершить революцию, уничтожив господство капиталистов, то представители русского марксизма внесли определенные корректировки в это представление. А. Н. Дмитриев отмечает, что в 1890-х гг. «в силу слабости российского капитализма и рабочего движения создание социал-демократической партии силами радикальной марксистской интеллигенции намного опережало рост профсоюзной активности и складывание пролетарского классового самосознания»⁶⁴. Говоря «интеллигенция», Ленин обычно имел в виду «буржуазная, дореволюционная интеллигенция», а не «умственные работники». Тем не менее отношение Ленина к понятию «интеллигенция» было многозначным: оно могло означать прослойку «умственных работников» (в том числе, партийных функционеров), а могло – только тех, кто обслуживал интересы буржуазии.

Для советской власти вопрос об определении понятия «интеллигенция» оказался политическим вопросом, выходящим далеко за пределы лингвистики. Люди умственного труда были необходимы новой власти, но специалисты высокой квалификации из рабоче-крестьянской среды к началу 1920-х гг. еще не существовали. Необходимо было привлекать к работе «старую гвардию» интеллигентов, многие из которых не были лояльны новому государству. В свою очередь, выделение интеллигенции из рабоче-крестьянской среды несло в себе опасность образования отдельной прослойки или класса⁶⁵. Как отмечает Кустарев, «не трудно заметить, что

⁶⁴ Дмитриев А.Н. Марксизм // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М., 2009. С. 169.

⁶⁵ Кустарев А. Советская Россия: самоопределяющие практики советской интеллигенции // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М., 2009. С. 54-55.

сама по себе тематика начавшейся было дискуссии об интеллигенции политически оказалась еще опаснее, чем обсуждение опасностей, бывших предметом дискуссии»⁶⁶. Предположение о том, что ВКП(б) выражает интересы не пролетариата, а отдельного класса интеллигенции, ставило под удар советскую идеологию диктатуры пролетариата.

Проблемой интеллектуалов занимался также американский социолог Толкотт Парсонс, его взгляд на роль интеллектуалов в современном обществе изложен в эссе «Интеллектуал»: категория социальной роли»⁶⁷. Парсонс определяет интеллектуала как создателя и распространителя культурных ценностей и как личность, которая ставит культурные соображения выше социальных. При этом интеллектуалы не обладают ни политической властью, ни экономическими ресурсами; влияние интеллектуала осуществляется посредством индивидуальной, институциональной, дисциплинарной и других источников «репутации»⁶⁸.

Анализируя подход Толкотта Парсонса к социальной роли интеллектуала в обществе модерна, мы должны учитывать общую рамку его теории. Парсонс был создателем одной из разновидностей теорий модернизации, согласно которой основная причина политического развития – это функциональная дифференциация внутри общественной системы в целом и политической системы в частности⁶⁹. Теории модернизации возникли в 1950-х гг. в США как ответ на «потребность американского правительства в новых теоретических подходах, укрепляющих позиции США в идеологическом противостоянии с Советским Союзом»⁷⁰.

Теории модернизации как прогрессистские социальные теории конкурировали, в первую очередь, с марксизмом. В рамках этих теорий

⁶⁶ Там же. С. 59.

⁶⁷ Parsons T. 'The intellectual': a social role category // On intellectuals: theoretical studies, case studies (ed. by Ph. Rieff). Garden City, New York, 1969 P.3-52.

⁶⁸ Op. cit. P. 22.

⁶⁹ Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Теория модернизации о путях социально-экономического развития // Социологические исследования. № 6 (362). 2014. С. 8.

⁷⁰ Там же. С. 4.

социалистические государства были только отклонением от верного эволюционного развития. Как отмечает Крейг Калхун, теории модернизации предполагали, что существует только одна современность (которой достигли страны с развитым капитализмом): «проводилась важнейшая увязка между либерализмом, личным индивидуализмом, секуляризмом и свободными рынками»⁷¹. Поскольку Парсонс определяет интеллектуала как создателя и распространителя культурных ценностей, а главная функция культурной системы — это легитимация общественного нормативного порядка, то в его системе интеллектуалы работают для поддержки существующего порядка, а не бросают ему вызов. Но даже если интеллектуалы хотят поменять системы ценностей в обществе, у них нет для этого ресурсов, поскольку их главный вид капитала — это репутация. В рамках теории Парсонса нельзя объяснить, к примеру, каким образом В.И. Ленин, не имея ни политической власти, ни финансов в начале своей карьеры, пришел к власти в 1917 году.

Третья глава посвящена интерпретации интеллектуалов как группы, определяющей себя в ценностных, идеологических и моральных категориях. Для российского контекста характерно, что интеллигент интерпретируется не только как обладатель определенных идеологических и моральных ценностей, но и как носитель определенного типа поведения и образа жизни. Что касается интерпретации понятия «интеллектуал» как носителя определенных моральных ценностей в западноевропейском контексте, эта традиция идет от дрейфусаров, чьи взгляды подробно рассмотрены нами в главе «Происхождение понятий «интеллектуал», «интеллигенция».

В российском контексте, независимо от того, определяется ли интеллигенция положительно (Иванов-Разумник) или негативно (в случае «Вех»), само русло интерпретации этого понятия остается прежним. Несмотря на то, что официальном советском дискурсе была предпринята попытка вернуться к классической марксистской трактовке интеллигенции

⁷¹ Калхун К. Теории модернизации и глобализации: Кто и зачем их придумывал. Лекция 17.01.2006. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-143310.html>

как людей, занимающихся умственным трудом, в советской фольклорной традиции только укрепилось мнение об интеллигенции как носителях определенной морали. Кроме того, в силу материальных трудностей, характерных для работников и гуманитарного, и технического профилей, принадлежность к группе интеллигенции выполняла компенсаторные функции и требовала определенного статусного подтверждения. В 1990-е гг., в эпоху перестройки понятие «интеллигенция» сохраняло свой смысл уже в новых условиях.

Что касается понятия «интеллектуал» в западноевропейском и американском контекстах, то анализируемая в этой главе интерпретация особенно сильна во Франции, поскольку в этом случае есть мощная традиция, идущая со времен эпохи дела Дрейфуса. Мы видим, что Жюльен Бенда в своей работе «Предательство интеллектуалов» 1927 года постулирует, что интеллектуал должен служить отвлеченной справедливости.

В свою очередь, концепция интеллектуала, предложенная Ж.П. Сартром, означала, в первую очередь, что интеллектуал должен бороться с гегемонией буржуазии, хотя его социальная роль и является порождением буржуазного общества (с этим связано ощущение «разорванности», присущее современному интеллектуалу). Хотя Сартр после 1968 года переходит от концепции «классического» к концепции «революционного» интеллектуала, эти концепции отличаются друг от друга лишь выбором средств борьбы с гегемонией буржуазии, а не с самой идеей оспаривания этой гегемонии. Тем не менее, даже при разработке концепции «революционного интеллектуала» Сартр, по нашему мнению, далек от постулатов классического марксизма о том, что интеллектуалы лишь примыкают к пролетариату в его борьбе против господствующего класса. Когда Сартр приводит в пример молодое поколение студентов, бросивших учебу и начавших работать на заводе, он объясняет их мотивацию тем, что

они не хотят, чтобы их определяла их функция (исследователь, чиновник и так далее) и их зарплата (более высокая, чем у рабочих). Таким образом, мы видим в этой концепции протест против «общества знания», в котором работники умственного труда начинают получать значительно больше привилегий, чем работники физического труда. Одобряемый Сартром способ бросить вызов буржуазии (бросить свои интеллектуальные занятия и идти работать на завод) кардинально отличается от того, что предлагал Ленин в своей работе «Что делать?» 1902 года: интеллигенция в концепции Ленина должна была *возглавить* рабочее движение и использовать свои навыки для *руководства* им, поскольку без помощи интеллигенции рабочие могут выработать лишь тред-юнионистское сознание, не приближающее всемирную пролетарскую революцию.

Несмотря на то, что Эдвард Шилз, как и Толкотт Парсонс, был одним из основоположников направления структурного функционализма, его трактовка интеллектуалов отличается от той, которая была предложена Парсонсом. Если Парсонс понимал под интеллектуалами работников умственного труда, которые не могут бросить серьезный вызов системе, поскольку не обладают политической властью или экономическими ресурсами, то Шилз отмечал, что интеллектуалы в Новое Время зачастую становились участниками революционных движений. Тем не менее Шилз полагал, что интеллектуалы не способны сформировать самостоятельный политический класс. Его характеристика интеллектуалов как людей, которые, с одной стороны, обладают определенной чувствительностью к области сакрального, а, с другой, предрасположены к отрицанию существующей системы ценностей, указывает на то, что Шилз определяет интеллектуалов как носителей идеологических и моральных категорий.

В четвертой главе мы анализируем ряд теорий интеллектуалов, направленных на трактовку интеллектуалов как отдельного политического класса, который может стремиться к политическому господству. Наиболее

развернутым и самостоятельным исследованием является анализ теории Махайского и его рецепции, которую можно проследить вплоть до современных теорий нового класса⁷². Такое внимание объясняется тем, что он первый предложил законченную и полноценную теорию интеллигенции как самостоятельного класса. Из современных теорий аналогичного типа проанализированы их критические (Шельски, Гелен, Шумпетер) и апологетические варианты (Гоулднер и Бурдьё).

Основной мишенью критики Махайского было марксистское определение интеллигенции как неклассового элемента классового слоя (в теории Маркса интеллигенция не является самостоятельным классом, поскольку не владеет материально-техническими средствами производства и не занимает по отношению к ним структурно-определенного положения). Махайский же характеризует интеллигенцию именно как особый и при этом быстро растущий класс⁷³. Основанием для этого является наличие в ее распоряжении особых — нематериальных — средств производства. Речь идет о знаниях, получаемых классом интеллигенции в ходе воспитания и обучения, причем эти знания составляют также часть прибавочной стоимости производимого товара. Представители буржуазии, из которых преимущественно вербуются класс интеллигенции, ограничивают доступ к этим знаниям: как и материальные формы собственности, знание также передается фактически по наследству, и пролетариат лишен доступа к этой общечеловеческой ценности. Осуществляя монополизацию знания, «армия умственных рабочих» получает более высокую прибыль за свой труд, чем рабочие, занятые физическим трудом. Марксистская идея коммунистического устройства общества, согласно Махайскому, неверна,

⁷² Подробнее см. статью: Черновская М.А. Критика марксизма как прототеория культурного капитала и «нового класса»: теория интеллигенции Яна Вацлава Махайского // Социологическое обозрение. Т. 21. № 1, 2022. С. 235-263.

⁷³ Вольский А. (1968). Умственный рабочий. Часть I. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1968. С. 141.

поскольку предполагает обобществление не всей частной собственности, а только материально-технических средств производства. В результате нематериальные средства производства (знания) будут сохранены в собственности образованного класса интеллигенции, что приведет к распределению этой доли прибавочной стоимости только между «умственными работниками».

В Германии одним из самых заметных критиков «нового класса» во второй половине XX в. был немецкий праволиберальный социолог Гельмут Шельски, посвятивший критике интеллектуалов свою книгу 1975 года «Работу делают другие». Как отмечает А.Ф. Филиппов, концепция Шельски восходит к концепции Арнольда Гелена, на которую, в свою очередь, повлияла теория интеллектуалов Йозефа Шумпетера. По мнению Шумпетера, капитализм способствовал росту класса интеллектуалов, поскольку поощрял критическое умонастроение. Если до эпохи модерна интеллектуалы были напрямую зависимы от своих непосредственных патронов, то затем их коллективным патроном становится буржуазная публика⁷⁴. Росту группы интеллектуалов способствовало удешевление книг, газет, памфлетов и расширение читательской аудитории. С конца XVIII века интеллектуалы приобретают власть публицистов, использующих общественное мнение. Импульс враждебности, направленный изначально против институтов церкви и феодалов и выгодный буржуазии, становится постоянной составляющей душевной жизни интеллектуалов. Со временем они становятся враждебны по отношению к капиталистической системе и превращаются в политическую силу со своими групповыми интересами (например, выступая в качестве идеологов рабочего движения)⁷⁵. Капиталистическая система не желает и неспособна контролировать

⁷⁴ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с нем. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой и др. М., 2008. С. 532.

⁷⁵ Там же. С. 534.

интеллектуальный сектор, поскольку в таком случае она была бы вынуждена использовать небуржуазные методы борьбы – ограничение свободы слова.

Концепция Хельмута Шельски изложена в его книге «Работу делают другие», изданной в 1975 году и вызвавшей большой резонанс в ФРГ. Главный тезис Шельски состоял в том, что в обществе образовались новые классы, и происходит спор новой духовной и светской власти — борьба между работниками и интеллектуалами; старое противостояние буржуазии и пролетариата уже неактуально. Современные интеллектуалы следуют критической установке эпохи Просвещения. Идеология Просвещения изначально была направлена против абсолютистского государства и христианской нормы, однако впоследствии эта критическая установка превратилась в «притязание на господство, которое живет иллюзией и искусственным производством старой вражды»⁷⁶. Наследники Просвещения сами превратились в духовную власть, «новый клир», пытающийся утвердиться над мирской сферой — и над политикой, и над хозяйственной жизнью. По мнению Шельски, интеллектуалы не представляют интересы определенных социальных групп, но удовлетворяют “независимую от социального статуса заинтересованность верующих в спасении»⁷⁷.

Для классового анализа господства интеллектуалов Шельски берет как аппарат Маркса, так и теорию «праздного класса» Торстейна Веблена. Если «производительный класс» занят производством материальных благ, то «праздный класс» определяет правила престижа и «осмысления жизни» для всего общества. Интеллектуалы господствуют над работниками «производительного труда» за счет контроля над их обучением, а также манипулируя их способом проведения досуга (здесь можно увидеть явную перекличку с понятием «индустрия культуры» Адорно и Хоркхаймера). Если у Шумпетера и Гелена взгляды интеллектуалов определялись независимыми от них факторами, то у Шельски ключевую роль играет моральное решение

⁷⁶ Филиппов А.Ф. Арнольд Гелен и Хельмут Шельски. С. 291.

⁷⁷ Там же. С. 294.

интеллектуала, и за счет этого становится возможным говорить о вине интеллектуалов.

В пятой главе мы анализируем теории, в которые интеллигенция и интеллектуалы рассматриваются как представители любой социальной группы, опосредованно обеспечивающие ее интересы господства. В классическом виде такая интерпретация была сформулирована в марксистской теории. Если говорить о критическом потенциале такого подхода, то речь идет о теории интеллигенции Антонио Грамши – в ее рамках он различает традиционную интеллигенцию, которая поддерживает социальные группы, утрачивающие свое господство, и органическую интеллигенцию, которая поддерживает восходящие социальные группы и способна подорвать гегемонию существующего социального порядка. Кроме того, рассматривается эволюция взгляда на интеллигенцию в рамках классического марксизма и его последователей. К апологетической позиции мы относим теорию интеллектуалов Карла Манхейма.

Одной из самых влиятельных теорий интеллектуалов является теория Антонио Грамши. Философ находился под большим влиянием теории Ленина о гегемонии как политическом союзе рабочего класса и трудового крестьянства. Однако, в отличие от Ленина, который подчеркивал роль революционной интеллигенции, избавляющей пролетариат от идей тред-юнионизма, Грамши большее внимание уделял феномену устойчивости гегемонии в капиталистических обществах – она достигается, в первую очередь, благодаря союзу органической интеллигенции с господствующей группой (буржуазией).

Поскольку в теории Ленина акцент делается на возможностях революционной интеллигенции, а в теории Грамши – на устойчивости существующего миропорядка, мы относим их к разным макротеориям. Такое деление в большой степени условно – как и Ленин, Грамши приветствовал социалистическую революцию.

Концепция интеллектуальной и культурной гегемонии для Грамши была главным объяснением стабильности «позднего» капитализма в странах Запада, и интеллектуалы были важным фактором поддержания гегемонии. В «Тюремных тетрадах» в главе «Формирование интеллигенции» Грамши выстраивает свою теорию интеллигенции. Он начинает свое рассуждение с вопроса о том, является ли интеллигенция самостоятельной группой или каждая социальная группа имеет свою категорию интеллигенции. Философ дает два ответа на этот вопрос: с одной стороны, каждая социальная группа органически создает один или несколько слоев интеллигенции (это необходимо для однородности и сознания роли этой группы в социальной и политической области) – к примеру, предпринимателю-капиталисту необходим технический специалист по промышленности, специалист по политической экономии и так далее. Кроме того, и сам предприниматель является в некоторой степени интеллектуалом, поскольку характеризуется определенной технической и организационной способностью⁷⁸.

С другой стороны, любая социальная группа после появления на исторической арене сталкивается с ранее возникшими категориями традиционной интеллигенции. Самый яркий пример традиционной интеллигенции — священнослужители, монополизировавшие в свое время такие общественные функции, как философия, воспитание, правосудие, мораль и так далее. Грамши связывает категорию церковников с земельной аристократией, поскольку она обладала равными с аристократией земельными правами. Представления традиционной интеллигенции о своей автономии имеют последствия в области идеологии: например, развитие идеалистической философии. Для завоевания гегемонии в обществе восходящему социальному слою необходимо ассимилировать традиционную интеллигенцию, иначе этот слой не сможет завоевать культурную гегемонию в обществе.

⁷⁸ Грамши А. Тюремные тетради / пер. с ит. Г.П. Смирнова и др. В 3 ч. Ч. 1. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 327-328.

Грамши определяет принадлежность человека к группе интеллигенции не по интеллектуальному характеру его деятельности, а по «совокупной системе отношений, через которую эта деятельность (и, следовательно, группы, которые её осуществляют) включается в общий комплекс общественных отношений»⁷⁹. Философ указывает, что в любой физической работе есть минимум технической квалификации, «созидательной интеллектуальной деятельности». Для выполнения этих функций исторически формируются специализированные категории людей внутри всех социальных групп (однако особенно широко среди тех, кто стремится к гегемонии в обществе или удерживает её). Важной задачей группы, стремящейся к господству, является «идеологическое» завоевание традиционной интеллигенции, позволяющей удержать гегемонию в обществе.

Во всех вышеуказанных теориях интеллигенция (или интеллектуалы) могут примыкать к любым социальным группам или классам и выражать их интересы. Тем не менее такая функциональная позиция наталкивается на определенные трудности и изменения в ходе своей дальнейшей концептуализации. Хотя Антонио Грамши показывает необходимость существования в обществе традиционных интеллектуалов, сам он солидаризуется с революционными (органическими) интеллектуалами, которая хотят подорвать гегемонию существующего общества. В марксизме интеллигенция определяется не как отдельный класс, а как социальная группа, которая способна примкнуть к буржуазии или пролетариату. Тем не менее В.И. Ленин в начале XX века заявлял о том, что интеллигенция по своей природе склонна примкнуть к буржуазии, а тех, кто способен защищать интересы пролетариата, Луначарский называл «кучкой праведников»⁸⁰, недвусмысленно заявляя об их высоких моральных качествах. Такое превращение социально-экономического определения в

⁷⁹ Грамши А. Тюремные тетради. С. 330.

⁸⁰ Луначарский А.В. Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1924.С. 58.

социально-этическое в рамках марксизма отмечал еще Р.В. Иванов-Разумник в 1900-х годах.

Если для Грамши важен комплекс социальных отношений интеллектуала, то Карл Манхейм рассуждает об интеллектуалах, исходя из концепции социологии знания (для Грамши занятие умственным трудом не является определяющей функцией интеллектуала). Кроме того, Манхейм полагает, что на данном этапе исторического развития интеллектуалы не могут быть самостоятельной группой, но могут только примыкать к другим группам и выражать их интересы. Тем не менее они обладают большей свободой выбора и в кратковременные периоды истории способны действовать как независимая сила. Чуждость всякого догматизма, способность к смене ориентиров и взглядов (даже тогда, когда они действуют от имени других социальных групп) делают интеллигенцию уникальным элементом в истории человечества. Как отмечает Эрнест Манхейм, «то, что Манхейм не скрывает своих симпатий, и что независимая интеллигенция является не только основным предметом этой работы, но и «соавтором» позиции Манхейма, придает особую прелесть его оригинальному исследованию»⁸¹.

В рамках case study обосновывается тезис о том, что популярность фигуры Вальтера Беньямина в США во второй половине XX века была частью тренда на преодоление «антиинтеллектуализма», характерного для американской послевоенной культуры⁸². Кроме того, в фигуре Беньямина воплотилась привлекательность ролевой модели внеинституционального интеллектуала. Стилистика произведений Беньямина, которая в определенный момент развития гуманитарных и общественных наук

⁸¹ Манхейм Э. Введение // Избранное: Диагноз нашего времени. С. 20.

⁸² Подробнее см. в статье: М. Chernovskaya. Walter Benjamin as the 'last European': the transfer of Walter Benjamin's ideas to American cultural studies // Russian Sociological Review. Vol. 20. No. 4, 2020. P. 137-151.

выступает как маргинальная, становится частью магистральной линии «культурального поворота» во второй половине XX века.

После смерти Вальтер Беньямин стал популярной фигурой как в академической среде, так и в более широком интеллектуальном контексте. Несмотря на то, что Беньямин был известным критиком и при жизни (особенно в период 1925-1933 годов), вряд ли можно было предсказать такой рост его популярности во второй половине XX века. На наш взгляд, известности Беньямина способствовали определенные изменения в американском интеллектуальном контексте послевоенного времени, сделавшие образ Беньямина привлекательным. Во-первых, был популярен тренд на преодоление «антиинтеллектуализма», характерного для американской культуры в 1950-х годах. Кроме того, несовпадение Беньямина с ортодоксальными марксистскими направлениями его времени – от советских до германских – позже способствовали дополнительному интересу к его фигуре в американской академии. В 1930-х и 1940-х гг. в США эмигрировали еврейские интеллектуалы, но они либо не были марксистами изначально (например, Ханна Арендт), либо сильно изменили мировоззрение, хотя и сохранили генетическую связь с марксизмом (как Адорно). Эти мыслители впоследствии осуществили «прививку» немецкой (или, если угодно, немецко-еврейской по культурному генезису) леволиберальной мысли к американской академической науке, что было причиной внимания к наследию Беньямина.

Заключение

В настоящей диссертации мы исследовали понятия «интеллектуалы» и «интеллигенция» на трех различных уровнях. Во-первых, мы реконструировали историю происхождения этих понятий и переход от абстрактного значения понятий к собирательному, который произошел около 1830 года во Франции и Англии, после 1848 года в Германии и после 1860 года в России.

Во-вторых, понимая, что понятия «интеллектуал» и «интеллигенция» осмыслялись в определенной социальной реальности, которая сама была подвержена трансформациям, мы обратились к социальной истории и выделили 3 главные социальные предпосылки формирования этих понятий. Первая предпосылка – усложнение стратификации общества и появление социальных групп, которые требуют быть представленными во власти. Речь уже идет не о крестьянских стихийных бунтах, которым всегда недоставало самоорганизации, а об организованных движениях рабочих, которые хотят быть представленными во власти и борются за это либо с помощью забастовок и революционных действий, либо – позже и не во всех странах – с помощью партийной борьбы. Наряду с пролетариатом физического труда появляется «умственный пролетариат», представители которого готовы взять на себя руководство рабочим движением и быть его «естественными вождями». Одновременно с этим появляются критические инвективы в адрес нового «четвертого сословия», которое способно к уничтожению исторически сложившейся структуры общества и других сословий. Вторая предпосылка – это массовизация высшего образования, которая способствовала росту числа дипломированных специалистов и, в определенные исторические периоды, их перепроизводству (это часто служило источником социальной напряженности и радикализации тех, чьи амбиции не были удовлетворены в профессиональном плане). Третья

тенденция – возрастающая интеллектуализация труда, в результате которой государство и частные корпорации выделяют большие средства для обучения и найма работников «умственного труда». Высшее образование перестает быть элитарным, его массовизация во второй половине XX века ускоряется еще больше, количество людей, занятых умственным трудом начинает увеличиваться большими темпами. В результате, знание начинает восприниматься как еще один вид капитала, и претензия тех, кто им обладает, и хочет иметь право высказываться в интересах блага всего общества, требует новой реактуализации в понятиях «интеллектуал» и «интеллигенция».

На третьем уровне исследования мы типологизировали понятия «интеллектуал» и «интеллигенция» по четырем группам. Понимая, что социальный, культурный и политический контекст, в которых проходила полемика и формировались теории интеллектуалов, чрезвычайно важен, мы старались уделить ему важное внимание в работе и каждый раз предпринимали попытку его реконструировать.

Тем не менее, на наш взгляд, только путем системной типологизации теорий интеллектуалов можно, прежде всего, вывести общие структурные тенденции в обществе модерна в апологии или критике тех, кто называет себя интеллектуалами. Эти структурные тенденции ретроспективно можно проследить вплоть до эпохи Просвещения, когда понятий «интеллектуал» и «интеллигенция» в современном значении еще не существовало.

Кроме того, выбранная нами оптика исследования помогает в нахождении точек пересечения и культурного трансфера при реконструкции генезиса теории интеллектуалов и интеллигенции у различных мыслителей. Полемика, актуализирующая эти понятия, зачастую возникает в острые исторические моменты – как это случилось в момент издания «Вех» в марте 1909 года, когда в полной мере стали ощутимы последствия революции 1905 года. В такие моменты участники полемики концентрируются на текущих политических событиях, настаивая тем самым на уникальности исторической

ситуации, в которой все они оказались. Тем не менее исследование демонстрирует, что зачастую понимание мыслителями роли интеллектуалов или интеллигенции формировалось на «чужом» материале и до исторической ситуации, послужившей катализатором дискуссий (это детально показано на примере теории интеллигенции А.С. Изгоева).

Даже когда сами мыслители говорят о том, что на них оказала влияние полемика, проходившая в другой культуре и в другой исторический период, это влияние уходит из фокуса современных исследователей. К примеру, роль «работника знания» в теории «постиндустриального общества» Дэниела Белла и вопрос о том, являются ли «работники знания» частью политической элиты или отдельным политическим классом, были сформулированы Беллом под влиянием полемики между социал-демократами (Ленин, Троцкий) и анархистами (Махайский) о привилегированном положении образованной революционной интеллигенции по отношению к рабочему физического труда внутри российской социал-демократической партии в 1900-х гг.